

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Разговор	7
Глава 2. Чудо	16
Глава 3. Крамт	37
Глава 4. На пастбище	52
Глава 5. Эльна	67
Глава 6. Всего один талюк	77
Глава 7. Синий чай	84
Глава 8. Снова Эльна	101
Глава 9. В Оранжерее	114
Глава 10. Ветряной Старец	131
Глава 11. Совиное Поветрие	139
Глава 12. Волшебная сова	155
Глава 13. Вставай!	166
Глава 14. Солнце	177
Глава 15. Жорель	184
Глава 16. Волшебное средство, которое помогает	192

1

РАЗГОВОР

Мама попросила, чтобы я не ходил к талюкам.

— Это из-за снега, — пояснила она. — Большой Цоер сказал, что зелёные прожилки в последнее время появляются всё чаще. И ещё Розовый лес и пастбище слишком далеко. Пожалуйста, Дин, не надо...

Я не кивал и не смотрел ей в глаза. Я не хотел её расстраивать и обманывать тоже. Я хотел как она. Не говорить всей правды. Она ведь так и сделала. Не сказала, что на самом деле не пускает меня на пастбище из-за Чойри, пастуха талюков.

Чойри одноглазый. Это последствие лишающей болезни. Мама боится, что я заражусь от него. Также чего-то лишусь. Большой Цоер ругает маму на собраниях за то, что она не пускает меня в гости к тем ребятам, чьи братья и сёстры лежат дома после лишающей болезни. На собраниях

мама возражать не решается, но дома выговаривает папе:

— Почему тогда Цоер...

— Большой Цоер, — поправляет её папа.

— Цоер, — упрямо говорит мама, — мы учились с ним в одной школе!

— Но мы его сами выбрали, — мягко напоминает папа, — значит, должны почтительно говорить о нём.

Мама вздыхает и продолжает:

— Почему он тогда велел всем этим детям сидеть дома?

— Он не велел им сидеть дома. Он освободил их от учёбы. Ты же видела: Жорель вывозит свою девочку на снег — подышать.

— Она вывозит её далеко в Розовый лес! Там никого нет. Значит, она что-то знает про её болезнь.

— Она просто боится насмешек...

— Глупая Жорель, — упрямо бурчит мама. — Ребёнок болеет, а она таскает его по холоду. Всё равно, Ройк, мы не можем знать наверняка. Поветрия говорят...

— Я не верю в Поветрия.

— Потому что ты не заботишься о Дине так, как я. Я считаю, что нужно принимать во вни-

мание всё, что слышится. А Поветрия говорят, что, если проводить много времени с теми, кто перенёс лишаящую болезнь, можно заболеть самому. Это не так сложно — держать нашего мальчика подальше от больных. У нас в семье никто не болеет.

— Как никто? Твоя мама...

— Она уехала, как ты знаешь! — повысила голос мама. — Она уехала в Восточный круг, чтобы не подвергать Дина опасности! Теперь у нас в семье никто не болеет. А в школу эти дети не ходят. Так что он не общается ни с кем из заболевших.

Почти не общается, — добавляет мама и понижает голос: — Ты знаешь, что он стал бегать на пастбище у Розового леса? К Чойри. Одноглазому Чойри. Конечно, встреча с ним на улице — это совсем не то, что в помещении: на расстоянии не заразишься. Но почему именно Чойри?!

— Наверное, Дину с ним интересно.

Мне слышно, как папа потягивается и зевает.

— И тебя это не шокирует?

— А почему меня должно это шокировать, Трина? Я тоже убегал, когда был мальчишкой. Мы бродили по Розовому лесу, перепрыгивая, слышишь, перепрыгивая через прожилки!

— Тогда они не были такими зелёными...

— Зато пропасть за пастбищем была всегда, — возразил папа, — и мы подходили к самому краю и заглядывали вниз. Кидали туда пучки сухих прожилок и смотрели, как они парили над пропастью. А самые бесстрашные вставали на край и, расставив руки, вытягивали вперёд ногу.

— Брр...

Я прямо увидел, как маму передёрнуло и она поплотнее завернулась в шаль. Шаль у неё красивая, сине-голубая, расшитая ледяными кристаллами.

— Ладно, — сказала мама, — но ответь мне, почему Цоер... хорошо, Большой Цоер дал Чойри такую работу?

— Пасти талюков? Ну, потому что она несложная...

Папа отвечал медленно, словно раздумывая.

«Засыпает», — понял я.

— Кому-то надо следить, чтобы талюки не отползали от пихты далеко, — он снова зевнул. — Они же от этого умирают.

— Ну и что?

— Как что? Так и весь их вид может погибнуть!

— Это просто жуки!

— Трина, ты шутишь? Это единственный вид животных, который может существовать в нашем климате. Остальные — только в Оранжерее!

— Но какой смысл в жуках?

— Ты забыла? Большой Цоер сказал: мы должны пытаться сохранить каждый вид живого.

— А может, — упрячилась мама, — Большой Цоер нарочно устроил пастбище так далеко? Чтобы Чойри ни с кем не общался?

— Ну как же ни с кем? А Дин?

— Ройк!!!

— По голове не бить! О, давай позовём Дина и устроим бой подушками?

— Я не хочу дурачиться, Ройк! — голос мамы зазвенел. — Я переживаю за нашего сына! И если... если тебе всё равно, я поговорю с ним завтра сама.

Вот так и вышло, что я стоял перед мамой и старался не кивать и не мотать головой. Я изо всех сил думал: «Пойми, пойми, пойми, мне очень надо!» Я надеялся, что мама услышит мои мысли. Ведь она слышит Поветрия. А их никто не произносит вслух, они витают по воздуху. Кто-то слышит, кто-то нет.

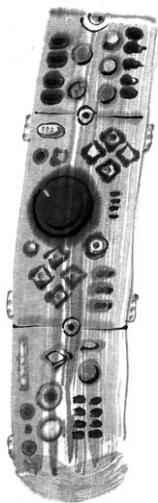
Мама долго смотрела на меня. А потом вдруг прижала мою голову к своему животу и прошептала мне прямо в волосы: «Я так за тебя боюсь...»

А я утром сделал себе из волос шалаш. Взбил их и построил таким домиком. Мамины слова попали в шалаш.

— И я очень тебя люблю, — добавила мама, и я был рад, что эти слова тоже попали в мой шалаш.

Так мы постояли немного, а потом мама посмотрела на мой верстак, где я мастерил поделки из всех остатков и осколков, которые находил где мог, и вздохнула:

— Ты ведь перед школой наведёшь на столе порядок?

Ответить я не успел: маму позвал папа, и они уехали работать — очищать снег от прожилок.

А пульт от шкафа остался на диване. Тогда я решил, что мама услышала мои мысли и поняла их. Потому что иначе не оставила бы взрослый пульт.

Я схватил его — длинный, из прозрачного лагриума. Он отличался от моего, детского. Мой был крепким, чтобы не разбился, если упадёт. И нажать

можно было только на «Готовая негорячая еда» и «Тёплая одежда». Ну, ещё «Вызов взрослого», но им почти никто никогда не пользуется.

На взрослом кнопок было гораздо больше. Я с волнением посмотрел на одну, тёмно-вишнёвую. Над ней было написано «Большой Цоер».

«Взять и набрать!» — с восторгом и ужасом подумал я.

Зачем? Проверить! Неужели ответит?! Нет, не стану... Вдруг и правда ответит.

Я принялся рассматривать другие кнопки: жёлтые, розовые, голубые.

Некоторые из них я знал. Видел, как родители управляли пультом. А две голубые кнопки под словом «Шкаф» папа часто разрешал мне нажимать самому.

Если нажать на левую, из шкафа вывалится ковёр. Лежи на нём сколько угодно, только без ботинок: к подошвам могли прилипнуть крошечные частицы прожилок, а они разъели бы мягкий ворс вмиг.

А правая кнопка вызывала лыжи.

Я нажал на неё, и вот они выехали из шкафа, синие, мерцающие — подарок папы за первый рабочий день: я помогал им отвозить засохшие

и обезвреженные прожилки в огнехранилище.

Мне редко выдавали лыжи: обычно, чтобы добраться до школы, хватало снегоступов. Так что лыжи полагались только в рабочие дни или когда у нас урок ночной езды. Хотя многие ребята в классе пользовались лыжами каждый день. Но мама за меня боялась.

Я погладил лыжи, оглянулся. На верстаке лежал полярный волк, которого я мастерил из осколков камней. Рядом с ним — шприц с жидким лагриумом. Тёплый: папа разогрел с утра. Придётся завтра заново греть: холодный лагриум не склеит детали.

— Прости, — сказал я волку. — Не успею я тебя доделать. Наведи тут пока порядок, а?

После взял лыжи, вышел из дома. Дверь бесшумно закрылась. Я пристегнул крепления и двинулся.

Как только я уехал, в доме раздались звонки — один, второй, третий.

Это мама, поняв, что забыла взрос-

лый пульт на диване, хотела попросить меня, чтобы я его не трогал.

Но об этом я узнал только вечером. Сейчас же я катил по снегу, начинавшему розоветь, к пастбищу талюков. Вчера, когда мы с Илани и его старшим братом катались с большой горы за школой, Чойри приметил меня и отозвал в сторону.

— Приходи завтра на пастбище, — сказал он, понизив голос, — я покажу тебе чудо.